

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

пр. Ленина, 69, г. Челябинск, 454080
Телефон: 8 (351) 216-56-01, факс: 8 (351) 264-77-53, телетайп: 124336 ВИТА, E-mail: postbox@cspu.ru
ОКПО 02097328, ОГРН 1027403882164, ИНН/КПП 7453041664/745301001

22.10.21 № 5
На № _____ от _____

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-
педагогический университет»,
кандидат педагогических наук

А.Н. Богачев

22.10.2021

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию Тузовского Ивана Дмитриевича
«Культура цифровой эпохи: утопический и гуманистический потенциал
“информационного общества”», представленной на соискание ученой
степени доктора культурологии по специальности
24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Хотя научно-технологическое общество индустриальной эпохи, несомненно, решило многие крупные проблемы, оно также создало и обострило другие, а именно, отчуждение людей от фундаментальных представлений о том, что собственно значит быть человеком. Технологическое ускорение, вызванное глобализацией и цифровой революцией, сформировало переход от «двух культур» Ч. Сноу (см. Сноу Ч. «Две культуры и научная революция») к «монокультуре» нашего времени, а именно к технообществу. Поэтому во многих университетах гуманитарные программы находятся «в осаде», главным признаком которой является сокращение их финансирования. Критериями оценки этих программ являются не их качественные преимущества (которые просто не знают, как

«объективно» оценить), а количественные критерии, такие, например, как предполагаемая возможность трудоустройства выпускников, однако прогнозы трудоустройства оказываются весьма туманными. Тем не менее, увеличиваются бюджетные ассигнования на так называемые дисциплины «STEM» с пропорциональным уменьшением финансирования программ в области гуманитарных наук и искусств. Эта тенденция порождает «монокультуру», потребители которой представляют собой технообщество. Не являемся ли мы заложниками очередной утопии? В связи с этим вполне обоснована главная посылка автора диссертации о том, что смысловое ядро концепции информационного общества, по-прежнему носит *технократический* характер и страдает *экономикоцентризмом*. Неудачи технократического подхода указывают на необходимость социально-гуманитарного анализа современного глобального кризиса (с. 10).

Мы считаем **актуальным** и давно назревшим предпринятое автором исследование культуры информационного общества и ее утопического (позитивного проективного) и гуманистического потенциала в аспекте «демифологизации этой концепции», теоретической ревизии и устранения накопившихся методологических и фактических противоречий в поле культурологического дискурса.

Целью исследования является построение концептуальной модели культуры «цифровой эпохи» и осуществление социокультурной диагностики сценариев глобализационных процессов и трендов развития квази-«информационных обществ» XXI века. Данная цель достигается решением целого ряда **задач**, среди которых следует отметить исследование исторической эволюции утопических проектов, определение их утопического и гуманистического потенциала, выявление социокультурных черт информационного общества с позиции «прогностического» и «диагностического» компонентов, разработка идеального типа информационного общества как социокультурного проекта, атрибуция квази-«информационных обществ», выделение и систематизация трендов развития культуры «цифровой эпохи» в квази-«информационных обществах». **Объектом исследования** выступает культура «цифровой эпохи». При этом автор делает акцент на концептуальные основания зарождения и функционирования культуры «цифровой эпохи», а также оценки и прогнозы трендов развития квази-«информационных» обществ XXI века.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в выделении автором так называемых «утопических универсалий», исходя из которых утопии делятся на слабые презентистские (или наивные) и сильные радикальные. При этом автором установлено, что в обыденном сознании именно радикальные утопии представляются «наивными», поскольку предполагают фундаментальную перестройку социальной структуры, культуры, системы ценностей. В диссертации представлена критическая экспертиза и теоретико-методологическая ревизия концепции информационного общества в нескольких основных ее ипостасях: «научный прогноз», «социальный миф», «политическая доктрина», «утопический

проект». Диссертант впервые выявляет реально существующие антиномии проектных идей и потенциала «информационного общества»: «антиномия дезинформации», «антиномия падения информационной грамотности», «антиномия информационной перегрузки», «антиномия информационной роскоши». Автор приходит к выводу, что в настоящее время не существует обществ, отвечающих принципам идеального информационного общества. Поэтому общества «цифровой эпохи» именуются автором квази-«информационными обществами».

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в открытии нового направления культурологических и социальных исследований, а именно – «выделение атрибутов и сигнатур социокультур и конкретных обществ» (с. 22), что открывает возможности пересмотра взглядов на сущность и типологические черты некоторых конкретных сообществ, существовавших в истории человечества. Это позволит корректировать программы государственного развития соответствующих институций. Предложенное описание культуры «цифровой эпохи» и концептуальная модель ее конфигурации может стать основой для разработки программ культурной и молодежной политики, социальных, образовательных и иных государственных политических программ.

Оценка содержания диссертации, ее завершенности, подтверждение публикаций соискателя. Степень достоверности и апробация результатов работы подтверждается изложением ее основных положений в 40 публикациях, в том числе в 3 монографиях (2 авторские и 1 – в соавторстве) общим объемом 59,7 печатных листов (16 из них в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК МНиВО РФ). Основные теоретико-прикладные аспекты диссертационного исследования были реализованы диссертантом как соисполнителем проектов двух грантов Президента Российской Федерации. Диссертация соответствует паспорту специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры» (культурология) по пунктам 1.2. Теоретические концепции культуры; 1.4. История культурологических воззрений и понятий, представлений о сущности культуры; 1.6. Культура и цивилизация в их историческом развитии; 1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм; 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; 1.10. Принципы периодизации и основные периоды в историческом развитии культуры; 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры; 1.27. Прогностические функции культуры; 1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики.

В первой главе диссертации **«Формирование и развитие концепции информационного общества в культуре XX-XXI вв.»** проанализирована историческая эволюция научных и политических взглядов на трансформации общества, вызванные возникновением, развитием и внедрением информационно-коммуникационных и цифровых технологий. На этом основании выделены этапы развития концепции и охарактеризовано современное состояние дискурсивного поля информационного общества. В

параграфе 1.1. «Исторические формы утопического проектирования общества в развитии культуры» диссертантом предпринят анализ феномена утопии не столько как литературного жанра, сколько как формы социального мышления. Сам утопический дискурс рассматривается как важный эпистемологический инструмент, позволяющий критически исследовать социальную действительность. Автор определяет утопию («ур-утопию») как внеисторическую форму мышления, реализуемую на разных этапах развития исторических форм мировоззрения в различных по форме и содержанию произведениях – конкретно-исторических формах утопии (с. 45-46). В общем ряду «ур-утопий» концепция информационного общества предстает частной разновидностью научной формы утопии. Анализируя содержание классических и современных утопий и утопических проектов, диссертант приходит к выводу о том, что они строятся на двух диаметрально противоположных основаниях: слабые или презентристские (наивные) утопии и сильные или радикальные утопии (с. 56-57).

В параграфе 1.2. «Предтечи концепции информационного общества в общественно-гуманитарных науках: гуманистический и утопический потенциал» автор выделяет пять сильных или радикальных утопических проектов, генетически связанных с научным мировоззрением: «коммунистическая утопия», «ноосферная утопия», «технотопия», сциентистские проекты «нормального общества» (К. Поппер, П. Фейерабенд), гуманистический проект «здорового общества» (Франкфуртская школа). Автор приходит к выводу, что данные концепции, с одной стороны, опираются на утопические универсалии, с другой стороны, являются сильными утопиями, поскольку требуют «когнитивного скачка» – радикального изменения представлений о системе ценностей, возможных формах человеческой организации и кооперации и т.д. (с. 98)

В параграфе 1.3. «Возникновение и развитие концепции информационного общества в XX – начале XXI в.» автором выявляются конкретные исторические обстоятельства и социально-политические, культурные и иные факторы, определившие содержательную и методологическую неопределенность информационного общества: вторая научно-техническая революция; складывание двух центров западной цивилизации (США и Европа) и формирование прозападного восточного цивилизационного «куста» (Япония и так называемые «азиатские тигры»); необходимость разработки футурологического проекта консолидации западного общества; «холодная война» и необходимость интеллектуальной «отстройки» западного футурологического проекта от советского. Таким образом, концепция информационного общества по своему идейному содержанию стала альтернативой леворадикальным концепциям-предтечам и сформировала дискурс презентристской слабой (наивной) утопии современного мира, пережившего информационно-цифровую технологическую трансформацию (с. 114).

В параграфе 1.4. «Политическая и социальная утилизация “информационного общества” в начале XXI в.» диссертант приходит к

выводу о «реактивности» официальной идеологии и «проективности» революционных идеологических практик. Автор отмечает, что официальная идеология проекта «информационного общества» умеренно-консервативна и план действий по строительству информационного общества направлен на «презервацию от изменений в иерархии субъектов международных отношений при декларировании преодоления барьеров между наиболее развитыми и отстающими странами» (с. 135). Транснациональная идеологическая программа информационного общества основывается на видении рыночных отношений (отношений эквивалентного обмена) как единственно возможного экономического основания дальнейшего развития. В текстах документов, проанализированных автором, наблюдается акцентирование роли частного капитала и государств, в то же время мало внимания уделено институтам гражданского общества, культурным программам, индивидуальным инициативам и т.д. (с. 136).

Во второй главе «**Прогностическая модель и социокультурный диагноз Цифровой эпохи**» автор рассматривает представления о характере информационного общества, сложившиеся во второй половине XX – начале XXI вв., обосновывает необходимость теоретической и практической ревизии этой концепции и определяет основные черты идеального типа и современной вариации информационного общества на основе разработанного автором подхода. Так в параграфе **2.1. «Прогностические модели информационного общества второй половины XX в.»** автор определяет основы методологического подхода к анализу социальных типов, выделяя два вида признаков и специфических черт «информационного общества»: атрибутивные и сигнатурные (с. 138). На основании данного деления автор анализирует содержание классических и современных работ по информационно-социальной концепции и приходит к выводу о ее «фундаментально-капиталистической природе», которая позволяет сохранять свой индустриальный характер, превращая производство в суперпроизводство (с. 163).

Во параграфе **2.2. «Осмысление транзитивного характера общества в начале XXI в.»** анализируются современные российские исследования, на основании которых автором выявлено 42 признака информационного общества, сгруппированные в 8 тематических блоков: техника и технологии, коммуникации, статус и свойства информации, экономика, сфера образования и научно-исследовательской деятельности, политика, социальные отношения и повседневная жизнь, сфера культуры и искусства (с. 165-167; 168-169; 170-171; 173-174; 175-176). Автор отмечает, что по-прежнему сохраняется тенденция к техно- и экономикоцентристскому пониманию сущности информационного общества. Более того, поскольку концепция информационного общества прошла стадии политической утилизации и социализации, экономические аспекты его интерпретации только усилились (с. 179). В параграфе **2.3. «Критическая ревизия концепции и идеальный тип информационного общества»** автор приходит к выводу, что термин «информационное общество» не может претендовать на эсценциалистское

соответствие действительности (с. 180). Например, уязвимость для критики информационной концепции с историософских позиций, по мнению автора, определяется как неопределенным темпоральным статусом информационного общества как социокультурной реальности, так и неопределенным сущностным статусом (с. 188-189). При этом автор рассматривает возможные альтернативные принципы проектирования информационного общества по следующим измерениям: политическому, экономическому, социальному, культурному, получению и распространению знаний. В заключении второй главы в параграфе **2.4. «Атрибуты и сигнатуры quasi информационных обществ Цифровой эпохи»** автор выделяет критерии quasi информационного общества (QIS), а именно: генерирующие атрибуты (источники формирования QIS современности), секторальные атрибуты (сущностные черты QIS современности) и секторальные сигнатуры (внешние или феноменальные проявления QIS современности) (с. 211-212).

В главе 3 **«Атрибуция и конфигурация культуры Цифровой эпохи»** представлена авторская атрибутивно-сигнатурная модель культуры Цифровой эпохи. В параграфе **3.1. «Атрибутивно-сигнатурная модель культуры Цифровой эпохи»** к числу фундирующих атрибутов культуры Цифровой эпохи автор относит: глобальный характер современной культуры; исчезновение четко определенного смыслового ядра глобальной культуры и определенного этим смысловым ядром культурного мейнстрима; реактуализация архаических культурных феноменов и практик, вызванная виртуализацией социокультурной среды глобальных коммуникаций (с. 226). Четыре теоретических сценария протекания реальных глобализационных процессов автор описывает в параграфе **3.2. «Модели глобализации культуры»**: унификацию по некоторому существующему образцу; универсализацию, когда локальная культура вырабатывает в ходе своего естественного развития универсально-применимые ценности и образцы; интеграцию (углубление и расширение взаимосвязей внутри и между регионами) и конвергенцию (ближение по социальным, экономическим и культурным критериям различных регионов) (с. 252-255). Автор отмечает, что в современном глобальном культурном пространстве реализуются все четыре сценария, однако в качестве наименее слабой векторной величины он выделяет унификацию, а наиболее сильной считает конвергенцию, определяемую общностью виртуальной социальной среды, под воздействием которой многократно ускоряются процессы культурной диффузии и обмена и происходит перестройка локальных культур (с. 272-273).

В параграфе **3.3. «Конфигурация культуры Цифровой эпохи»** автор отмечает, что в силу особенностей социально-коммуникационной среды, в которой сформировались глобальные культуры, они отличаются общим свойством – отсутствием единого и четкого ценностно-смыслового ядра. «Культурный ландшафт Цифровой эпохи, – пишет автор, – определяется в первую очередь не аморфной и ценностно-неопределенной, синcretичной глобальной культурой, а ее “пиками” – субкультурами глобального влияния, которые получают массовое распространение в культурном пространстве всего

глобализованного сегмента» (с. 275). К числу значимых критериев выявления так называемых «пиков» – «суперсубкультур» (т.е. интегративного объединения малых субкультур в одну структуру) автор относит: базовую мотивацию-объяснение характера деятельности и репрезентации ее результатов в социокультурном пространстве, существенный характер социокультурного действия и отношение к маркерам социальной успешности (с. 291).

В параграфе 3.4. «Реактуализация архаических практик и форм в культуре Цифровой эпохи» автор отмечает, что для современной культуры характерны, с одной стороны, сакрализация научного знания, утрата обычайством ясной и четкой картины мира в силу информационной перегрузки и, с другой стороны, возвращение к доминированию аудиовизуальной коммуникации. На основании этого автор ставит вопрос о возможности реактуализации архаических (вплоть до первобытных) практик и форм на современном этапе развития культуры свидетельством чего является доминирование чувственно-кинетического и зрелищного начал в искусстве, переход к фигуристично-реалистичному изображению, синcretическому синтезу различных видов искусств и культурной деятельности, повышение роли иррационального начала (с. 304). В параграфе 3.5. «Гуманистические тренды развития социокультуры Цифровой эпохи» автор отмечает, что возможность объективно оценить гуманистический потенциал культуры квази-«информационных обществ» появляется тогда, когда открыты для анализа как можно больше трендов его развития, поскольку «цифровая эпоха», по мысли автора, «формируется не только как политический проект, но и в результате стихийно возникающих и развивающихся процессов и феноменов» (с. 317).

В Заключении на основе анализа гуманистических трендов «цифровой эпохи» автор делает вывод о том, что в сфере экономики, науки и образования, социальных, трудовых отношений, систем ценностей постепенно прорастают новые феномены, гуманизирующие техногенное общество (с. 331).

При общей положительной оценке диссертационного исследования требуют уточнения следующие положения диссертации:

1. В параграфе 1.2. дается развернутая характеристика нескольких концепций, которые, согласно автору, обладают наиболее выраженным гуманистическим и утопическим потенциалом. Возникает вопрос об основаниях выбора именно этих концепций, которые как по своему идейному содержанию, так и по теоретическим и прикладным целям и задачам настолько разные, что их рядоположенность кажется несколько надуманной. Также не совсем понятно почему, рассматривая эти концепции в качестве «предтеч» информационного общества, автор при этом заявляет, что оно само в отличие от своих «предтеч» («сильных» утопий), согласно авторской терминологии, «является в действительности предельно техно- и сциентократичной “слабой” утопией» (с. 98).

2. В параграфе 2.1. автор подробно анализирует концепции Д. Белла, Э. Тоффлера и М. Кастельса на предмет определения атрибутов и сигнатур

информационного общества и приходит к выводу, что данные концепции практически не затрагивают таких сущностных свойств PIS, которые относятся к сфере культуры, образования, науки (с. 163). Это действительно так и возникает надежда, что автор в дальнейшем или обратится к тем концепциям XX в., которые анализируют эту сферу, или предложит свое видение, заполняющее этот пробел. Однако автор ограничивается в параграфе 2.2. лишь многочисленными ссылками на исследования в этой области без их концептуального анализа, отмечая их ярко выраженный «техно- и экономикоцентристский» характер, что сам автор считает недостаточным. Складывается впечатление, что несмотря на критику концепта «информационного общества» в связи с его философской и культурологической несостоятельностью, автор не видит ему альтернативы в сфере культуры, образования и науки.

3. Анализируя в параграфе 2.3. «антиномию падения информационной грамотности», автор отмечает, что «в силу роста юзабилити и комфорtnости информационной среды» новые пользователи не успевают приобрести достаточную грамотность, они не могут «экстраполировать свой опыт на иную программную среду, нетипичные ситуации вводят их в состояние фruстрации, они не способны справиться с нестандартными задачами» (с. 185). Однако возникает вопрос, действительно ли причиной этого является комфортная информационная (цифровая) среда или же, возможно, ее отсутствие в некоторых сферах «информационного общества», таких, например, как культура, образование и наука.

4. В параграфе 3.3. автор отмечает, что «глобальная культура лишена строго определенного смыслового ядра, она аморфна и бесструктурна... Если ранее было возможно выделить некий “культурный мейнстрим”, то сейчас речь идет о множестве разнонаправленных потоков культурного развития» (с. 276). Однако возникает вопрос, является ли отсутствие мейнстрима свидетельством аморфности и бесструктурности глобальной культуры современности? Как известно, структура может быть не только древовидной, но и «ризоматичной», что гораздо ближе к сетевому принципу коммуникации, характерному для «цифровой эпохи».

Возникшие замечания и вопросы не снижают общей положительной оценки диссертационной работы и носят дискуссионный характер.

Соответствие диссертации требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой получено новое знание, заключающееся открытии нового направления культурологических и социальных исследований, открывающих возможности пересмотра взглядов на сущность и типологические черты некоторых конкретных сообществ, существовавших в истории человечества.

Диссертация И.Д. Тузовского «Культура цифровой эпохи: утопический и гуманистический потенциал “информационного общества”» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней»,

утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». Таким образом, Тузовский Иван Дмитриевич заслуживает присуждения искомой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

Отзыв подготовлен доктором философских наук, профессором кафедры философии и культурологии ЮУрГПУ Борисовым Сергеем Валентиновичем. Обсужден на заседании кафедры философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, протокол № 2 от 21.10.2021 года.

Заведующий кафедрой
философии и культурологии
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета
доктор философских наук,
профессор

Борисов Сергей Валентинович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

Адрес: 454080, Российская Федерация, Уральский федеральный округ,
Челябинская область, г. Челябинск, пр. Ленина, 69. Телефон: (351) 216-56-01,
факс: (351) 216-56-01. E-mail: postbox@cspu.ru

